

СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ И ВЛАСТЬ: ОПЫТ ПРОТИВОСТОЯНИЯ

© *Буланова Марина Борисовна*

доктор социологических наук, доцент, профессор кафедры теории и истории социологии Российского государственного гуманитарного университета

Россия, 125993, г. Москва, Миусская площадь, 6

E-mail: marina_bulanova@inbox.ru

В статье проанализирован исторический опыт противостояния власти и социологической интеллигенции в России со второй половины XIX по начало XX вв. Парадоксальность ситуации состояла в том, что в царской России было запрещено употреблять слово «социология», но реально преподавать социологические знания все-таки удавалось. Невозможность официальной институционализации социологии в России, привела к тому, что первым «настоящим социологическим факультетом» стала Высшая русская школа общественных наук в Париже, которая благодаря назначению французских директоров, получила легальный статус и была официально признана наравне с другими вольными учреждениями. На примере судеб социологов – М. М. Ковалевского, Е. В. де-Роберти, П. А. Сорокина, Н. И. Кареева, автор убедительно показывает антисоциологическую сущность власти.

Ключевые слова: социология, интеллигенция, социологическая интеллигенция, власть, противостояние, история российской социологии, экскурс, марксистская социология, общественные науки, Россия.

Исторически, с момента возникновения социологии в России, отношение к ней официальной власти можно трактовать как настороженное, а порой и враждебное. По словам одного из основоположников российской социологии М. М. Ковалевского, слово «социология» ассоциировалось у власти со словом «социализм», что порой приводило к курьезам. Так, переведенный во второй половине XIX в. на русский язык первый том труда американского социоло-

лога Л. Уорда «Динамическая социология» был уничтожен на том основании, что цензурой слово «динамическая» было интерпретировано как «динамит», а «социология» как «социализм». А. П. Лилленфельд рассказывал, что в бытность лифляндским губернатором, ему пришлось приводить в исполнение приказ об изъятии из общественных библиотек собственной книги «Мысли о социальной науке будущего» с инициалами П. Л., принятыми за инициалы П. Л. Лаврова [1, с. 219].

Занятия социологией отдельных авторов нередко грубо пресекались. Книга Е. В. де-Роберти «Социология» (1880), задуманная автором как популяризация идей О. Конта, была запрещена к изданию в России по личному распоряжению главы Священного Синода К. П. Победоносцева. Тираж издания был изъят из всех книжных магазинов и библиотек в связи с тем, что «пропагандируемый в книге позитивизм мог составить конкуренцию православной вере», а за ее автором установлен гласный полицейский надзор [2, с. 145].

Парадоксальность ситуации состояла в том, что в царской России было запрещено употреблять слово «социология», но реально преподавать социологические знания все-таки удавалось. Н. И. Кареев вспоминал, что в 1882 г. Ведомство народного просвещения возглавлял И. Д. Делянов. «Однажды я объявил курс в университете под заглавием “Теория культурного процесса истории”, но Делянов его вычеркнул из обозрения преподавания и заменил другим, по своему усмотрению. Я отправился к нему объясняться. “Да, да, да, – заговорил он, – помню, помню: у Вас какое-то мудреное заглавие было”. Я повторил заглавие. “Вот видите, – продолжал он, – я ведь не знаю, что это такое, а у меня могут спросить, я же не буду знать, что там читает профессор такой-то, войдите в мое положение”. “Значит, заключил я, – под другим названием я могу читать этот курс?”. “Да, все дело в названии. Читайте, что хотите, только чтобы не было повода меня спрашивать: а что такое читает этот профессор”. Я назвал курс исторической энциклопедией, и он был спасен» [1, с. 182–183].

Невозможность официальной институционализации социологии в России, привела к тому, что первым «настоящим социологическим факультетом» (Кареев) стала Высшая русская школа общественных наук в Париже (1901–1905). Созданная усилиями М. М. Ковалевского, Е. В. де-Роберти, она нашла полную поддержку своей деятельности во Франции. С этой целью был учрежден специаль-

ный комитет, в состав которого вошли такие известные ученые, как А. Эсинас, Э. Реклю, Г. Гард. Администрация школы состояла из трех французов: писателя П. Адана, депутата А. Бергло и профессора Э. Дельбе.

Благодаря назначению французских директоров, школа получила легальный статус и была официально признана наравне с другими вольными учреждениями. Однако царское правительство называло школу в Париже «семинаром по революции» и сделало все необходимое, чтобы его ликвидировать. М. М. Ковалевский в своих воспоминаниях писал, что при его свидании в 1906 г. с главой русского правительства С. Ю. Витте, последний поинтересовался судьбой школы. Когда же Ковалевский ответил, что она закрыта, Витте «с улыбкой заметил, что причина закрытия ему хорошо известна» [3, с. 60].

Дело Высшей русской школы общественных наук было продолжено в России в рамках частного Психоневрологического института в г. Санкт-Петербург, открытие которого состоялось 3 февраля 1908 г. В своей речи на открытии Института приглашенный лектор Е. В. де-Роберти говорил о задачах социологии как науки и дисциплины, включенной в учебный план этого заведения. Данный факт и то, что вести курс социологии собирались М. М. Ковалевский и Е. В. де-Роберти – в недавнем прошлом политические эмигранты, вызвало недоумение и раздражение в стенах Министерства народного просвещения. От В. М. Бехтерева, как директора, потребовали официальных разъяснений, на что он ответил, что чтение курса социологии «соответствует общей схеме наук, допущенных к преподаванию». Однако на этом власти не успокоились. В своих воспоминаниях В. М. Бехтерев приводит эпизод о своем визите к министру А. Н. Шварцу: «Когда при одном случае в кабинете Шварца случайно зашел вопрос о читаемом у нас курсе социологии, министр не выдержал и с раздражением произнес: «Какая может быть там социология? Нет такой науки, а если что и есть, то одна болтовня!»» [4, с. 60]. Тем не менее, главной причиной участия студентов Психоневрологического института в студенческих беспорядках в Петербурге, градоначальник Драчевский считал влияние на них «левой профессуры» [5, с. 82–83].

После смерти Е. В. де-Роберти, М. М. Ковалевского совместные усилия П. Сорокина, К. Тахтарева добиться институционализации социологии в России, привели к учреждению в 1916 г. Русского

общества им. М. М. Ковалевского, объединившего в своих рядах блестящих представителей интеллигенции. Среди них были такие известные ученые и политические деятели, как И. П. Павлов, В. А. Вагнер, А. Ф. Лазурский, В. М. Бехтерев, П. Н. Милуков, В. А. Маклаков, Е. В. Тарле, А. В. Пошехонов и др. По мнению П. Сорокина, такой состав свидетельствовал о признании важнейшей роли социологии среди других наук об обществе. Однако судьба Русского общества, пережившего революцию 1917 г., оказалась нелегкой. Как писал в своих воспоминаниях П. Сорокин, уже к 1920 г. оно стало работать фактически «на нелегальном положении», а после преследований, заключения в тюрьмы, смерти некоторых руководителей, прекратило свое существование [6].

Такая нелегкая судьба была уготована всей социологической интеллигенции, не разделявшей марксистскую точку зрения на основные вопросы общественной жизни. После недолгой радости открытия в российских университетах в 1918–1919 гг. первых кафедр социологии в составе факультетов общественных наук, началось наступление на немарксистскую социологию. В ноябре 1920 г. на совещании работников Наркомпроса В. И. Ленин поставил вопрос о коренном преобразовании преподавания общественных наук в высшей школе и предложил составить обязательные марксистские программы по всем общественным дисциплинам. Вопрос об отношении к профессорам-не марксистам решался просто: «Свяжите их твердыми программами, – заявил Владимир Ильич, – давайте им такие темы, которые заставляли бы их становиться на нашу точку зрения. Потребуйте, кроме того, от каждого из них основательного знания марксистской литературы, объявите, что кто не сдаст специального марксистского экзамена, будет лишен права преподавания. Уверяю вас, что, если они не сделаются ортодоксальными марксистами, они все же будут излагать такие вещи, которые раньше совсем не входили в программу их курсов, а уж это дело студентов, под нашим политическим руководством, использовать этот материал, как нужно» [7, с. 19–21]. Справедливо опасаясь, что старая социологическая профессура не согласится на эти условия, В. И. Ленин предложил начать ускоренную подготовку новой профессуры по общественным наукам из среды партийной молодежи.

Итак, маленький экскурс в историю убедительно показывает, что отношение власти к социологической интеллигенции определяется не природой власти, а ее опасением социологии как науки о реаль-

ном положении дел. Любая власть не выносит интеллигентской привычки «все называть своими именами» и «не признавать других авторитетов, кроме Правды и Истины» (П. Сорокин).

Литература

1. Кареев Н. И. Прожитое и пережитое. – Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1990.
2. Семлали Ю., Рубанов В. Л. Штрихи к биографии и социологической доктрине Е. В. де-Роберти // Социологические исследования. – 2006. – №8.
3. Ковалевский М. М. Моя жизнь // История СССР. – 1969. – №4.
4. Бехтерев В. М. Автобиография. – М., 1928.
5. Буланова М. Б. Социологическое образование в России: история и современность. – М.: РГГУ, 2011.
6. Сорокин П. А. Дальняя дорога. Автобиография. – М.: Московский рабочий, 1992.
7. Покровский М. Н. Воспоминания о Ленине. – М., 1933.

INTELLIGENTSIA OF SOCIOLOGICAL OCCUPATION AND POWER: HISTORICAL OPPOSITION

Marina B. Bulanova

Doctor of Sociology, A/Professor, Professor, Department of Theory and History of Sociology, Russian State Humanitarian University
6 Miusskaya Sq., Moscow 125993, Russia
E-mail: marina_bulanova@inbox.ru

The article analyzes historical experience of opposition between the government and intelligentsia of sociological occupation in Russia from the second half of the 19th century till the beginning of the 20th century. The paradox consisted in the fact that in tsarist Russia it was forbidden to use the word «sociology», but really to teach sociological knowledge it is possible. The impossibility of the official institutionalization of sociology in Russia, led to the fact that the first «real school of sociology» became the Higher Russian School of Social Sciences in Paris, which is due to the French appointment of Directors, legal status and was officially recognized on a par with other free institutions. Referring to biographies of several Russian sociolo-

gists – M. M. Kovalevsky, E. V. De Roberti, P. A. Sorokin and N. I. Kareev, the author demonstrates the anti-sociologist disposition of the power.

Keywords: sociology, intelligentsia, intelligentsia of sociological occupation, government, opposition, history of Russian sociology, Marxist sociology, digression, Marxist sociology, social sciences, Russia.